

Метафизика терриконов

Халиков Р. Х.

Метафизичен ли террикон? Нет? Террикон – это маркер донецкой идентичности, понятие социально-философское. Мимо неведомых гор едет поезд на Донецк, и возбужденный путник не может понять – курганы ли видит он, холмы ли... Железная дорога учит нас отличать города и регионы – когда в окне появляются гнезда черногузов (или боцянов, не могу назвать их аистами, потому что аист должен жить на русскоязычной земле, а на Донбассе их найти сложно) – значит, уже проехали Днепр. Кстати, Днепр мог бы стать маркером Днепропетровска, но гораздо более привычно ассоциировать этот город, как и Запорожье, с ночью – потому что в них не ходят поезда, только через них (хотя это тоже неправда, но ведь о правде никто не говорит, лишь об идеальных образах). Когда на двускатных крышах появляются усеченные коньки – это уже Подолье, или Галичина – в Донецке крыши двускатные, или вовсе плоские. Когда утром просыпаешься оттого, что свет то появляется, то исчезает – это Севастополь, его отличаешь, даже не почувствовав морского духа. Еще Севастополь – и Мариуполь – это города, где заканчиваются рельсы, что уже достойно если не поклонения, то благоговейного удивления. В Умани тоже рельсы заканчиваются, и вокзал закрывают в 18.00, потому что дальше Умани поездам ехать не надо, как и хасидам. А в Бердянск не ходят электрички. А в Черновцы вообще не доехать иначе, как в объезд. А когда к Донецку подъезжаешь – видно терриконы. Еще запах плохой, но в поезде он был таким изначально.

Идентичность бывает снаружи и изнутри. Вспомним Б. Ф. Поршнева – в Донецке любят людей, не живущих своей специальностью, поэтому вспомним историка, ставшего психологом, да еще и палеопсихологом... Идентичность начинается со слова «он» (не путать с *tó óv*), а точнее – со слов «он плохой». Не потому плохой, что злой, а потому, что неправильный. И когда появляется «он», который не правильный, – появляемся и «мы», которые правильные. Такое восприятие есть по обе стороны хребта из терриконов, отделяющего Донецк от не-Донецка. Дончане думают, что там, где не насыпают терриконов, живут лентяи; о дончанах думают, что в эти холмы они прячут свои темные делишки (хотел написать «темное прошлое», но прошлого у Донецка почти нет, а будущего для него из-за высоких терриконов никто не видит). Террикон – это не просто донецкое лицо, но и донецкий дух, он сложен из наших ценностей, он сложен, как наши ценности. Дончане – люди волевые, крепкие и остроумные: если гор природа для нас пожалела, то мы сами себе их подарим. Похоже на Вавилонскую башню? Так не зря Донецк называют Вавилоном – больше ста национальностей, больше ста религий. На юге области расположен край, именуемый Грецией (а что есть в Греции – все знают), здесь сражались боги Хейердала, а в Азовском море лежит мировой змей Ёрмунгард, ибо в нем нельзя утонуть и лежа (наверно, именно наши моряки придумали понятие – «ходить в море»). И Локи точно родом из Донецка, потому что плутов и весельчаков порождает нищета (духа ли? брюха ли? Рабле ценил брюхо; мы величаем дух, пока сыты). Терриконы говорят дончанам, что возможность действительно доказана делом, а нужно ли было ее доказывать – это другой вопрос. Практично – значит красиво: за хребтом терриконов считают, что именно так мы и думаем. А мы просто увенчали и без того прекрасный Донецкий краж еще более прекрасными творениями, возвысили. Невысокие горы терриконы, невысокими издали кажутся и донецкие ценности – но как глубоки шахты, из которых эти ценности добыты! Что вверху, то и внизу. Донецк есть воплощение принципа, записанного на Изумрудной скрижали.

Так террикон – это аксиология Донецка или эстетика? Давайте вспомним еще одного мыслителя, который долго хотел стать русским, но у него так и не получилось. Эстетика – наука о принципах чувственности, а чувственность – это способность получать представление о предмете благодаря тому, что последний «некоторым образом воздействует на нашу душу». Наверное, такое определение близко образу Донецка, потому что эстетика романтизма от этого образа далека. Некогда думать о величественном, когда даже среднее может тебя погубить. Не время для наслаждения мощью горной толщи, когда ты в шахте. Дончанам приписывают прагматичность, и они не отказываются от нее, потому что эстетика по-донецки означает формы чувственности, а не формы прекрасного... ? Терриконы непрактичны, они портят экологию, мешают строительству, земледелию, их нельзя было насыпать, а теперь нужно срыть. Между тем, они стоят до сих пор, к ним привыкли, без них не будут поступать нашему рассудку предметы для мысли.

Чистых форм чувственного созерцания две – пространство и время. Если терриконы маркируют наш хронотоп, то ведь они создают нашу собственную онтологию! На самом деле не бывает объективной онтологии, законов природы и корреспондентной истины, все это выдумки ученых, боящихся фальсифицировать науку. На самом деле онтологию можно считать объективной, только если миф, которому она принадлежит, – единственный для всего человечества. В традиционной общине, или племени, наверно, так и было, потому что племя это считалось как раз всем человечеством, а границы его обитания – космосом. Только житель полиса был человеком в полной мере, только границы полиса, ежегодно вспахиваемые, были космосом посреди воющего моря. На злобные взгляды песиголовцев (или антиподов, если это политкорректнее) по ту сторону терриконов не принято обращать серьезного внимания, потому что эти взгляды не человеческие, в них только зияет хаос, и доказывать их обладателям нечего. Такой взгляд присутствует и у дончан, и на дончан. И причиной тому не тупость или зомбирование, но только разница онтологий, реализуемых в том или другом полисе. К сожалению, чтобы признать право затерриконья на мнение, нужно

признать его население людьми, а для этого придется отказаться от собственной исключительности. Пока же все хорошо, Донецк живет ярко, спокойно и отдельно. Даже не отдельно, а просто не зная, что за терриконом живут люди. А люди, которые живут за терриконом, тоже сомневаются в человечности жителей нашего региона, хотя и с опаскою благодарят за те редкие диковинные дары, что мы им посылаем. У каждого полиса – свое бытие, а у каждого бытия – свое благо. Сквозь него проходят лучи метафизических принципов и проецируются на материю. Без этих лучей террикон был бы просто бесформенной массой породы – освещаясь ими, он становится символом.

Метафизические первопринципы не доступны ни чувственному восприятию, ни рассудочному осмыслению, относясь к области сакрального. Именно сакральная реальность – подлинно сущая – манифестируется в хронотопе полиса, создавая космос как теменос – центральную точку, предельно нагруженную смыслом, ценностью и бытием. Сакральная реальность – основание для онтологии, но в нашем мелководном бытии она проявляется, лишь будучи пропущенной через особую линзу – символ. Символ суть эманация принципа на низшем и более узком уровне, символ нагляден, а за ним (в нем) стоит бесконечное. Символом бесконечного архэ были греческие теменосы, символом были вавилонские зиккураты, символом были и египетские пирамиды. Символом метафизического фундамента сакральной донецкой онтологии выступают и терриконы – возвышенности уникальные и изоморфные, и через каждый одинаково проходит мировая ось. А с севера на юг меридиан ограничивают еще два террикона – эмблемы на воротах города. Если террикон – это не метафизика, то уж точно символ, через который и только через который метафизическая реальность наполняет Донецк бытием.